
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

«ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ», ИЛИ РУССКИЙ ПУТЬ К ГЛОБАЛИЗМУ*

А. В. Кацура

Российское возрождение: третья волна

Для меня остается тайной, как на первый взгляд столь апатичные люди за какие-то четыре столетия от непроходимых равнин вокруг Москвы дошли до Эльбы на Западе и до Владивостока на Тихом океане, покрыв расстояние в шесть тысяч миль; как они достигли статуса сверхдержавы и на протяжении большей части нынешнего столетия приковывали к себе внимание всего мира. И тем не менее, так было на протяжении всей истории. Необычайную отсталость России отмечали все наблюдатели лишь для того, чтобы их мнения были опровергнуты небывальными успехами, достигнутыми за счет неожиданного сочетания энергии, дисциплины и героизма. Россия, будь она коммунистическая или нет, идет вперед в своем, не похожем ни на чей, темпе.

Генри Киссинджер

Русь, куда ж несешься ты? дай ответ.

Николай Гоголь

Россия осознала себя мировым фактором давно. И впервые, о чем выше говорилось, высказала это устами псковского инока Филофея. И ни разу не усомнилась в своем великом предназначении: ни во времена царей, ни во времена вождей. Почему перестройка так быстро развалила коммунистическую империю? Произошла подмена смысла, удар был не столь уж силен, но нанесен в единственно слабое место – в зазор между всемирной миссией и обывательским счастьем. И рядовой пассионарий растерялся. Вдвойне он растерялся, когда ему вновь (как 60 с лишним лет назад) шепнули: «Обогащайся!»

Что главнее – собственный дом и сад (особняк в пригороде или, на худой конец, квартира в многоэтажке), воспитание детей, мирная жизнь, почти обывательская, – или все же показать всему миру кузькину мать? Что главнее – воровать (по-русски, с размахом) или же в худой шинелишке и обмотках освобождать мир

---

* Окончание. Начало см. в журнале «Век глобализации». – 2008. – № 1. – С. 144–153; № 2. – С. 129–141.

(опять же с русской истовостью)? Вот это последнее не есть ли подлинный русский масштаб? Так нет ведь, все уведят народ куда-то в сторону, поют какие-то невнятные песни!

У России отняли главную и лелеемую игрушку – мессианскую идею, мечту о завоевании (освобождении, спасении) мира. Надежду предложить миру собственный (и, естественно, лучший) мировой проект. Мечту, о которой в самой России в явном виде давно никто не говорит (кроме нескольких маргиналов-лжеевразийцев и фантазеров, вещающих, что славяне породили и древних египтян, и античных греков). У публики образованной она вытеснена в глубокое подсознание, и об ее присутствии можно судить лишь по многочисленным оговоркам, опискам и проговорам политиков и разного рода культуртрегеров (пресловутые поиски русской идеи, поиски исторических персон – *лица России*, в число которых словно бы по недосмотру затесался усатый тиран, бьющий все рекорды любви народной), по множеству иррациональных поступков действующих политиков. Чечня в недавнем прошлом и Грузия сегодня – далеко не единственные, хотя и наиболее заметные ныне, примеры.

Существуют ли методы психоаналитического лечения целых наций? Хотим ли мы подобного исцеления? Принесет ли оно нам давно алкаемое блаженное спокойствие? Когда, отказавшись от химер, мы попробуем выстроить достойную жизнь для сограждан (*гражданское общество*) на тех скромных территориях, в которые загнала нас злая судьба в 90-е гг. ушедшего века? (Леонид Баткин иронически воскликнул по этому поводу: *допустимо ли России быть такой униженно маленькой?* Действительно – от Кунашира и Уэлена до Печенги и Дагомыса каких-то 17 миллионов квадратных километров! Всего-то два Китая. Или две Америки – что вам больше нравится.) Итак, способны ли мы строить нормальное человеческое общество без коррупции и вранья, без масштабного национального надувательства, но и без претензий на возжигание мировых катаклизмов?

Казалось бы, как все просто. Однако вопросы остаются.

Неужто полмира действительно точит на нас зуб, и кабы не обновленное ядерное оружие да подводный атомный флот, а при нем авианосцы, песенка наша была бы спета?

Пассионарные волны

Внезапное сочетание энергии и героизма, о которых толкует бывший американский госсекретарь, напоминает нам примерно то, что Л. Н. Гумилев называл *пассионарным толчком*. Оригинальный историк-этнолог, развивая свои взгляды, любил ставить вопросы такого рода: почему норвежцы в одни времена были крутыми варягами, а в другие столетия превращались в мирных ловцов селедки? Вопрос вполне законный и требует ответа, тем более что наплывы пассионарных волн (толкающих племена к воинственным походам и прочим свершениям) испытывали многие народы, большие и малые. Гумилев пытался это связать даже с миграцией биотической энергии, для чего серьезно интересовался учением Вернадского. Гумилевские теории не слишком восприняты консервативным сообществом историков и этнографов, поэтому мы вправе считать их всего лишь гипотезами, однако это никак не препятствует разглядеть в русской истории последних столетий отчетливые периоды «внезапного сочетания энергии и героизма». Это отно-

сится и к 1612, и к 1709, и к 1812 гг., и к многочисленным русско-турецким войнам, а уж к XX столетию – в полной мере.

Возникает нешуточный вопрос: сохранилось ли хотя бы немного русской пассионарной энергии, достанет ли ее на XXI в.?

Вопрос этот, безусловно, связан с тем историческим явлением, которое в некоторых работах получило название *российского Возрождения*.

Волны российского Возрождения

Красивое и столь привычное слово *Возрождение (Ренессанс)* на самом деле не является строгим и точным применительно даже к тому, что случилось в Италии в эпоху от Дученто до Чинквеченто, от Джотто и Данте до Микеланджело и Леонардо. Ибо в пространстве от Рима до Флоренции и Венеции реально происходило не столько возрождение античной или какой-либо иной культуры, сколько становление совершенно новой культуры (гуманистически-творческой), действительно порожденной и вдохновленной столкновением на малом пятачке животворящих культур прошлого, прежде всего христианской личностной этики и античного греческого наследия. Существенно, что это столкновение (один из характерных его моментов: Филиппо Брунеллески, реставрируя Рим, откопал античные статуи, что вызвало культурное потрясение) произошло на фоне характерной итальянской пассионарной волны, которая удерживала процесс становления гуманистической культуры на должном уровне до той поры, пока волны новой культуры не оплодотворили иные пространства Европы.

До России эти волны дошли лишь к XVIII в. Связано это было с хорошо известным нам обстоятельством – с прорубленным Петром окошком. В хлынувшем культурном потоке можно выделить любопытный момент, напоминающий Рим XV столетия: в Россию стали прибывать античные скульптуры (в основном слепки), прежде никогда не виденные. Немалая их часть украсила знаменитый Летний сад, который стал для жителей Петербурга не столько местом отдыха, сколько пространством эстетического откровения («Слегка за шалости бранил и в Летний сад гулять водил»).

В России с невиданной скоростью начала складываться гуманистическая культура, окрашенная характерной славянской чувственностью (что позже и приведет к возникновению мифа о русской душе). Это было становление новой, небывалой культуры, но мы, следуя традиции, вправе использовать привычное и такое славное слово – *возрождение*. Как и в иных землях, русское Возрождение шло волнами, приливными и уходящими. В российской истории они отчетливо заметны. Пик первой волны обозначил Золотой век (блистательную эпоху Александра Пушкина и Николая Гоголя). Пик второй волны подвел страну к удивительному Серебряному веку. Его нередко трактуют зауженно, а это было волнующееся культурное море почти без границ. Россия, недавно отсталая, вышла на мировой уровень почти по всем направлениям, а во многом и превзошла его (поэзия, театр, балет, музыка, живопись, архитектура, авиастроение и проекты космических аппаратов, радио, физиология, системные теории, генетика, учение о биосфере...). И все это, подчеркну, на фоне пассионарного прилива. Именно эту творческую волну оседлали революционные утописты-большевики, выдавая ее свершения за результаты своих ура-революционных побед. Но на самом деле именно этой волне они (по-средневековому кроважидные и схоластически тоталитарные), предвари-

тельно ее изнасиловав, умело скрутили голову, так что ко второй половине века XX она почти полностью перестала плодоносить. Символом и рубежом гибели этой великой волны можно считать: в поэзии – убийство Мандельштама, в театре – убийство Мейерхольда, в науке – убийство гениального Николая Вавилова и расцвет лысенковщины, хотя на самом деле была срезана и растоптана почти вся верхушка российского интеллекта. Преодолеть это опустошение мы не в силах по сию пору.

И вот возникает тревожный и даже страшный вопрос: можем ли мы ожидать прихода третьей волны? Вправе ли мы ожидать ее? А если вправе (сын за отца не отвечает), то должны ее ждать с пассивным смирением или же обязаны предпринять неординарные культурные (увы, и политические – в сторону подлинного народовластия) усилия по ее приходу? Возможны ли такие усилия в принципе? Чувствительны ли пассионарные и культурные волны к людским копошениям и надеждам?

Лично я полагаю, что нынешняя правящая элита России далека от понимания подобных проблем и концентрирует свои взоры лишь на близлежащих горизонтах, окрашенных скудными интересами групп и группировок.

О вертикали власти

Ах, эта пресловутая вертикаль, на эффективность которой уповают ориентированные на прошлое власти. На деле это призрачная иллюзия и старая западня. Теории управления, достаточно глубоко развитые в XX в., не интересуют иных правителей, а зря. Например, в кибернетике известен закон Эшби (доказанный как строгая теорема о необходимом разнообразии). Смысл закона довольно прост – разнообразие (количество информации) управляющей системы не может уступать разнообразию системы управляемой. В противном случае неизбежны застой и деградация. В экономике это противоречие (между ограниченным знанием управленца и морем проблем) снимается игрой свободного рынка (пусть и с кейнсианскими поправками, но не с авторитарным госпланом), а в политике – реальным народовластием. Иных выходов не существует. Вот почему в истории с неизбежностью развалились все авторитарные режимы. Только в прошлом это шло в замедленном темпе, а сейчас все летит стремительно. В управляющей верхушке накапливается неизбежный дефицит информации, сдобренный хорошей порцией дезинформации или попросту вранья. Наиболее характерный пример в истории – быстрая гибель многомиллионной империи инков при натиске пяти сотен головорезов-конкистадоров. Просто все решения – и большие, и малые – не могли миновать верховного инки (никакой самостоятельности на местах не предполагалось!), что и предопределило паралич армии и инкского чиновничества.

На нас никакие конкистадоры нападать не собираются, даже из «агрессивного» блока НАТО (вопреки дежурным воплям профессиональных запугивателей доверчивых народных масс), однако при сложившейся системе управления паралич все равно неизбежен. Вопрос лишь в одном: что случится раньше – разумный пересмотр системы управления страной (одновременно с возвратом к выборной системе) или же сползание к гниению и последующему развалу с непредсказуемым финалом?

Но всех лучше о «вертикали власти» сказал упомянутый мною Гоголь. Ему уже было ясно то, чего не слишком понимают наши нынешние правители (хотя

такое якобы непонимание их самих до поры устраивает): нарастающей пирамидой чиновников никакого серьезного дела не решишь и ничего не поправишь. Лишь что-то временное можно соорудить, пока не все разворовали.

Гоголь пишет именно по этому поводу: «Дело в том, что пришло нам спасти нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленным в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстания народов, вооружался против... неправды.

...Как русский, как связанный с вами единокровным родством, одной и той же кровью, я теперь обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку».

Это заключительные строки из сохранившихся отрывков второго тома «Мертвых душ» (сожженного), фактически это завещание Гоголя нам.

Глобализм по-американски

Подлинный мир наступит лишь тогда, когда жизнь на нашей планете станет более совершенной, более безопасной и более свободной. Вот почему мы помогаем афганцам и иракцам в построении представительской системы управления государством. Такая система будет служить лучшим чаяниям этих народов. Вот почему мы приержены идее создания глобальной, все более и более свободной системы мировой торговли, с тем чтобы в зону процветания вошли Центральная и Южная Америка, Африка и Ближний Восток.

Кондолиза Райс

Госпожа Райс ушла вместе с Бушем. Однако мысль, ею высказанная, в значительной мере будет разделяться и нынешней администрацией. Вернемся в этой связи к проблеме полярности. Путь России к мировому господству с негодными средствами, путь с «недоуровня истории», как говорилось выше, был обречен. Вправе ли мы полагать, что путь американский – с «уровня истории» (кому-то могло недавно казаться, что даже с уровня «сверхистории») – оказался не просто эффективней, но, что важнее и принципиальнее, являет собою единственную и подлинно историческую альтернативу? Ни о каком антиамериканизме здесь речи нет. Вопрос ставится в чисто теоретической и историософской плоскости. Мне думается, что Карл Маркс, доживи он до наших дней, уже не назвал бы Америку (при всех ее достижениях) страной «на уровне истории». Кое-что в векторах американского развития вызывает настороженность. Случившийся финансовый кри-

зис эту настороженность резко усилил. Я не ставлю под сомнение их славную демократию, их высочайшие технологии, уровень жизни широких масс, их эффективность, даже то, как они решили проблемы национальных отношений. Скажу о другом. Можно считать доказанным, что американский путь развития плохо совместим (если вообще совместим) с экологическим будущим планеты. То есть сейчас-то американцы – лидеры в экологических технологиях: они очистили Великие озера, у них самые строгие в мире стандарты на питьевую воду и т. п. Но если похожим путем за ними двинутся другие народы, экологический коллапс неизбежен. Причем в не слишком отдаленном будущем. Поэтому речь должна идти уже не о некоей абстрактной демократии, а о новом и сложном синтезе демократического устройства с технологической функциональностью и экологической устойчивостью общества. А как решить этот вопрос? И можно ли его решить вне поиска новых культурных траекторий, новых духовных и нравственных ориентиров?

Если другие народы пойдут американским путем, то... Но что нам до них? Мы здесь, в России, твердо хотим достичь такого же материального благосостояния, как в Америке. Нам обидно видеть иное после стольких жертв и свершений. И цель сия открыто провозглашается (правда, уже не в виде старой формулы «догнать и перегнать», скромнее), однако некоторые трезвые головы считают, что мы объективно и на скромный вариант не способны. Между прочим, развал нашей промышленности имеет одну светлую сторону. Мы перестали тотально и варварски загрязнять несчастную окружающую среду. Но что дальше?

Существуют ли особенности у американского империализма (имперскости)? Давайте возьмем последнее слово, ибо предыдущее слишком отравлено. Что имеем? Были империи старого типа – военное доминирование, поддерживаемое относительной культурной и экономической экспансией. Ныне мы имеем возможность лицезреть имперскость нового типа – экономическое доминирование, подстрахованное военными силами и сопровождаемое культурным (отчасти идеологическим) наступлением. И что? Это путь к всемирной цивилизации?

Устойчив ли однополюсный мир? Определенно неустойчив, непременно развалится как минимум на два. Биполярный – устойчив? До поры до времени устойчив, и пример известен. Возможен ли многополюсный?

На самом деле этот вопрос открыт. Теоретически, разумеется, возможен. Это можно представить как вполне доказуемую теорему – с трендами, закономерностями и прочим. Другое дело, что многополюсный мир, по всей видимости, тоже не слишком устойчив и проявляет тенденцию скатывания к той или иной устойчивой конфигурации двухполюсного мира с непреходящим балластом «неприсоединившихся». Но теоретикам (политологам, геополитикам, глобалистам) достанется рабочее поле – выяснять критерии устойчивости и количество полюсов (центров силы и влияния) той или иной конфигурации, ее жизнеспособность, приемлемость, конкурентные тенденции и т. п. Во всяком случае, одну из комбинаций мы знаем из истории: Восток, Запад, а между ними протяженное поле транзита, мост длиною в десять тысяч километров (каковым и является Россия).

Если объединение мира (становление глобальной цивилизации) понимать как позитивный процесс, то это прежде всего значит – без потери культурного разнообразия, без тенденции к унификации и нивелировке (то есть через *свободу, свое-*

образии культуры и развитое личностное начало). Свобода, кстати, – это тот системный принцип, который объединяет все три вышеупомянутых этапа: христианское учение, искусство Возрождения, науку XVIII–XX вв. Отсюда и вопрос к веку XXI: не получается ли, что демократии как устройению общества больше всего отвечает христианство? А если так, то тогда какое – католическое, православное или протестантское? По сложившемуся мнению можно думать, что последнее (отмеченная связь протестантской этики с духом капитализма). Так это или нет, но в любом случае интересен реальный опыт Америки: свобода конфессий, мирное существование церквей и сект. Там нет единой государственной религии. При этом президент не преминет сказать: «С нами Бог!»

Кстати, о личностном начале, о человеке. Что ценнее – общий «бентамовский» успех (наибольшее счастье для наибольшего числа людей) или прорыв в точке, творческий прорыв единиц (пусть даже на фоне голода и военного разорения)? Это вопрос о выборе между ценностями элитарного или же усредненно-демократического устройства жизни. В начале III тысячелетия ответ на этот вопрос не столь однозначен.

Россия в глобальном контексте

Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да не докончивший учебного курса эстетик, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряжением старого плута и масона и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека. Общество было устроено с обширную целью – доставить прочное счастье всему человечеству, от берегов Темзы до Камчатки.

Н. В. Гоголь

Непонятно, кого имел в виду Гоголь, описывая гусарских философов да масонов. Ну ведь не большевиков же! Откуда он мог о них (действительно, ничего толком не окончивших, но брошюр начитавшихся) знать? Ну откуда? А откуда о двухполюсном мире мог знать Алексис де Токвиль?

Мы возвращаемся к началу статьи, к удивительным пророчествам и странным совпадениям. Нам ясно, что Токвиль даже в снах своих не ведал о двух чудовищных мировых бойнях, об иссушающей мозги и сердца почти полувековой «холодной войне». Предсказывая великое будущее двух народов, француз, разглядевший в заокеанской демократии что-то очень важное, смотрел вперед легко и весело. Вообразить будущую войну между этими народами – при всей их разности – он никак не мог. И действительно, соревнование имело место, но прямого столкновения не было, не могло быть, да уже и не будет. Оно невозможно. Тогда зачем столько риторики и столько оружия? Вполне ли вменяемы политики и там, и тут? Вопрос выглядит предельно наивным, но на деле не все так просто. Время от времени слышны слова о необходимости улучшить отношения. Сейчас об этом говорит новый американский президент. Неужто все кончится благими намерениями и парой второстепенных соглашений?

А ведь США и Российская Федерация должны не холодно взаимодействовать, они должны дружить. Возможно ли это? А почему бы нет? Чего им, в сущности, делить? Зато подобная дружба могла бы устранить раздвоенность Европы, могла бы отрезвить и по-хорошему встряхнуть весь мир. Вот уж когда о процессах глобализации (объективных и исторически неизбежных) можно будет говорить не с помощью угроз и проклятий, но с позитивным историческим чувством, с ощущением надвигающихся великих перемен. (О многом в этой связи можно было бы сказать, но я упомяну лишь одно будущее мероприятие, могущее стать великим символом, – совместный полет на Марс. Это означало бы, что человечество не деградирует и не собирается осесть в болоте примитивного *обывательского счастья*, банального потребления *вещей и слов*.)

Тертый политик здесь усмехнется: все это отдает наивной утопией. Но я, проскакивая тяжкие этажи политики и геополитики, гидравлики сил и процедурной дипломатии, скажу о другом. Пространство взаимодействия, среда для связи существуют давно – это поле высокой культуры. Как часто подчеркивают различия между Россией и Америкой и как редко говорят о сходстве! Например, почему-то мало замечают глубинное родство литературы двух народов. Николай Гоголь и Эдгар По родились в один год. Лев Толстой и Марк Твен в один год покинули наш мир. Практически современниками были Фолкнер и Платонов, Хемингуэй и Пастернак, Стейнбек и Солженицын. Великая американская литература вторила великой русской. Это говорит о многом, если глядеть непредвзято. В прекрасном духовном поле давно уже все готово для сотрудничества.

Не стану здесь размышлять об американской позиции, скажу о другом. На мой взгляд, нынешняя политика России важной исторической тенденции, связанной с возможной третьей волной *российского Возрождения*, увы, не соответствует. Почему?

О чем мыслят руководители страны?

Я не знаю, о чем они думают, а речам их доверяю не слишком (уверен, в этом я не оригинален). Более того, если эти строки случайно попадутся на глаза кому-либо из руководства страны, то они не очень удивятся критическому настрою автора. Они сами и знают, и чувствуют, что их прилюдные речи отражают лишь часть реальности, что неизбежно влечет искажение общей картины (не станем употреблять такое неприятное слово, как «вранье»; политика умеет деформировать действительность даже без всякого вранья, одним, скажем, умолчанием). Но ведь это вовсе не означает, что они не хотят улучшить ситуацию. Несомненно, хотят. Только как это сделать? Как понять, какая траектория отвечает духу истории? Хор галдящих и шепчущих советников (явных и тайных) насыщен энтропией, его результирующая близка к набору банальностей, окрашенных псевдопатриотизмом и групповыми интересами, то есть близка к нулю. Как в этом случае осмыслить и определить стратегию страны? Как подняться над диктатом групповых, ведомственных и частных интересов? Какая нужна ясность взора и какая воля!

Замечательный писатель и философ-мистик Даниил Андреев писал в середине прошлого века: «Знаменательно, что именно религиозные конфессии, раньше всех провозгласившие интернациональные идеалы братства, теперь оказываются в арьергарде всеобщего устремления ко всемирному. Возможно, в этом сказывается характерное для них сосредоточение внимания на внутреннем человеке, пренеб-

режение всем внешним, а ко внешнему относят и проблему социального устройства человечества. Но если взглянуть глубже, если сказать во всеуслышание то, что говорят обычно лишь в узких кругах людей, живущих интенсивной религиозной жизнью, то обнаружится нечто, не всеми учитываемое. Это возникший еще во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира, это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству “князя мира сего”, к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву». Он писал эти слова в сталинской тюрьме, и режима страшнее, неукротимее и непобедимее, нежели безбожная коммунистическая тоталитарная империя, он и вообразить не мог.

Но если бы Даниил Андреев гляделся в современный мир, в том числе и во все еще богатую и деятельную, но уже весьма проблемную страну за океаном, он все равно повторил бы эти суровые слова – о мистическом ужасе перед грядущим объединением мира. Такова вечная диалектика жизни.

И если мы здесь, в сегодняшней России, по-прежнему ощущаем где-то в глубинах какой-то древний завоевательский порыв, то ведь мы смотрим на него куда как мягче и деликатней, нежели нахмуренные глаза наших ближних и дальних соседей. И как убедить этих типов, что мы их завоевать хотели для их же пользы, а вовсе не для своей? Нам, вечным вселенским пролетариям, разве чего-нибудь надо? Кроме цепей, разумеется.